

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 21-КГ22-10-К5

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

28 февраля 2023 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего
судей

Асташова С.В.,
Горшкова В.В. и Кротова М.В.

рассмотрела в открытом судебном заседании дело по иску Вологирова Жираслана Хажпаговича к публичному акционерному обществу «Московский Индустриальный банк» о взыскании суммы банковского вклада, процентов и компенсации морального вреда

по кассационной жалобе Вологирова Жираслана Хажпаговича на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 февраля 2022 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2022 г.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Кротова М.В., выслушав представителей ПАО «Московский индустриальный банк» Лаврину А.С. и Самойлова М.Н., возражавших против удовлетворения жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Вологиров Ж.Х. обратился в суд с названным иском, в обоснование указав, что 11 января 2018 г. между ним и ПАО «Московский Индустриальный банк» (далее – ПАО «МИнБанк», банк) заключён договор размещения денежных средств во вклад «Мультивалютный-Накопительный» в рамках договора банковского обслуживания, по условиям которого он передал банку [REDACTED] руб. с выплатой 17 % годовых на срок до 11 января 2021 г.

12 декабря 2019 г. в указанный вклад были дополнительно внесены денежные средства в размере [REDACTED] руб.

В подтверждение передачи денежных средств в указанных размерах ответчик выдал Вологирову Ж.Х. банковские ордера.

2 июля 2020 г. истец обратился в банк с заявлением о выдаче суммы вклада и начисленных на неё процентов, однако банк отказал в возврате денежных средств, сообщив об отсутствии вклада на имя истца от 11 января 2018 г.

Решением Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 26 октября 2020 г. исковые требования Вологирова Ж.Х. удовлетворены частично: взысканы сумма вклада в размере [REDACTED] руб., проценты по договору за период с 11 августа 2018 г. по 2 июля 2020 г. – [REDACTED] руб., сумма дополнительного вклада – [REDACTED] руб., проценты по дополнительному вкладу за период с 12 декабря 2019 г. по 2 июля 2020 г. – [REDACTED] руб., компенсация морального вреда – 30 000 руб. штраф – 3 584 246,97 руб.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 февраля 2022 г., оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2022 г., решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в иске.

В кассационной жалобе Вологирова Ж.Х. ставится вопрос об отмене апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 февраля 2022 г. и определения судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2022 г., как незаконных.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Кротова М.В. от 26 января 2023 г. кассационная жалоба Вологирова Ж.Х. с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела и обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, а также возражения на неё, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению.

В соответствии со статьёй 390¹⁴ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Такие нарушения допущены судами апелляционной и кассационной инстанций при рассмотрении настоящего дела.

Как установлено судом, 11 января 2018 г. между Вологировым Ж.Х. и банком в операционном офисе ПАО «МИНБанк» в г. Нальчике заключён договор о размещении денежных средств во вклад «Мультивалютный-Накопительный» на сумму [REDACTED] руб. с выплатой 17 % годовых на срок до 11 января 2021 г.

12 декабря 2019 г. в указанный вклад были дополнительно внесены денежные средства в размере [REDACTED] руб.

Указанный договор от имени банка подписан представителем банка Тяжговым З.А.

В соответствии с банковским ордером № [REDACTED] от 11 января 2018 г. и банковским ордером № [REDACTED] от 12 декабря 2019 г. банк принял от истца денежные средства в общей сумме [REDACTED] руб.

Вологиров Ж.Х. обратился в ПАО «МИНБанк» с заявлением, в котором просил вернуть внесённые денежные средства, а также проценты в соответствии с условиями договора.

Письмом от 5 августа 2020 г. банк уведомил Вологирова Ж.Х. о том, что на его имя договор № [REDACTED] от 11 января 2018 г. на

сумму [REDACTED] руб. не заключался, а дополнительные вложения на сумму [REDACTED] руб. 12 декабря 2019 г. в кассу банка не поступали.

Из кассовых журналов по приходу на 11 января 2018 г. и 12 декабря 2019 г. усматривается, что в них не отражены банковские ордера № [REDACTED] от 11 января 2018 г. и № 17564 от 12 декабря 2019 г., а сведения об операциях по взносам в кассу Вологировым Ж.Х. [REDACTED] руб. и [REDACTED] руб., как и сам счет № [REDACTED] отсутствуют.

Приказом председателя правления банка от 12 мая 2020 г. Тяжгов З.А. освобождён от занимаемой должности на основании пункта 7 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с утратой доверия.

4 июня 2020 г. в отношении Тяжгова З.А. 3-м МСО СЧ ГУ МВД России по СКФО возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В ходе расследования установлено, что Тяжгов З.А. путём обмана и злоупотребления доверием в рабочем кабинете, используя своё служебное положение, под предлогом размещения личных денежных средств граждан во вклады «VIP-Накопительный» и «Накопительный» с ежемесячным получением дохода в размере 10-16 %, то есть сообщая заведомо ложные сведения о несуществующих, завышенных банковских процентных ставках по вкладам, не намереваясь разместить их на лицевых счетах в банке, в период времени с августа 2018 г. по декабрь 2019 г. похитил у физических лиц значительные денежные средства.

Удовлетворяя искивые требования, суд первой инстанции исходил из того, что отсутствие надлежащего контроля со стороны банка за деятельностью его сотрудников, правильностью оприходования и зачисления на расчётный счёт полученных от вкладчика денежных средств не может являться основанием для освобождения банка от ответственности за неисполнение принятых на себя обязательств.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что договор о банковском вкладе, заключённый с истцом, не сопровождался реальным внесением денежных средств в кассу банка на счёт по договору банковского вклада, а поведение истца с учётом обстоятельств дела не соответствует принципам разумности и добросовестности.

Доказательств, подтверждающих наличие у истца денежных средств в названном размере и источник их происхождения, Вологировым Ж.Х. не представлено.

С такими выводами суда апелляционной инстанции согласился суд кассационной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что судами апелляционной и кассационной инстанций допущены существенные нарушения норм права.

В соответствии со статьёй 836 Гражданского кодекса Российской Федерации договор банковского вклада должен быть заключён в письменной форме.

Письменная форма договора банковского вклада считается соблюденной, если внесение вклада удостоверено сберегательной книжкой, сберегательным или депозитным сертификатом либо иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота (пункт 1).

Несоблюдение письменной формы договора банковского вклада влечёт недействительность этого договора. Такой договор является ничтожным (пункт 2).

Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 28-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной федеральный законодатель, давая нормативную дефиницию договора банковского вклада в статье 834 Гражданского кодекса Российской Федерации, указал на наличие двух последовательных юридических фактов, необходимых для совершения договора, – заключение в письменной форме соглашения между банком и вкладчиком и фактическую передачу банку конкретной денежной суммы, зачисляемой на счёт вкладчика, открытый ему в банке (пункт 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Таким образом, договор банковского вклада считается заключённым с момента, когда банком были получены конкретные денежные суммы, а право

требования вклада, принадлежащее вкладчику, и корреспондирующая ему обязанность банка по возврату вклада возникают соответственно лишь в случае внесения средств вкладчиком.

Исходя из того, что пункт 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает подтверждение соблюдения письменной формы договора банковского вклада выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, установленным банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота, то есть перечень документов, которые могут удостоверить факт заключения договора банковского вклада, не является исчерпывающим, внесение денежных средств на счёт банка гражданином-вкладчиком, действующим при заключении договора банковского вклада разумно и добросовестно, может доказываться любыми выданными ему банком документами.

При этом несение неблагоприятных последствий несоблюдения требований к форме договора банковского вклада и процедуры его заключения возлагается непосредственно на банк, поскольку как составление проекта такого договора, так и оформление принятия денежных средств от гражданина во вклад осуществляются именно банком, который, будучи коммерческой организацией, самостоятельно, на свой риск занимается особым видом предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли (абзац третий пункта 1 статьи 2 и статья 50 Гражданского кодекса Российской Федерации), обладает специальной правоспособностью и является – в отличие от гражданина-вкладчика, незнакомого с банковскими правилами и обычаями делового оборота, – профессионалом в банковской сфере, требующей специальных познаний.

Подобная ситуация имеет место и в случае, когда договор банковского вклада заключается уполномоченным работником банка, но вопреки интересам своего работодателя, то есть без зачисления на счёт по вкладу поступившей от гражданина-вкладчика денежной суммы, притом что для самого гражданина из сложившейся обстановки определенно явствует, что этот работник действует от имени и в интересах банка.

Суд не вправе квалифицировать, руководствуясь пунктом 2 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с его статьёй 166, как ничтожный или незаключённый договор банковского вклада с гражданином на том лишь основании, что он заключён неуполномоченным

работником банка и в банке отсутствуют сведения о вкладе (об открытии вкладчику счета для принятия вклада и начисления на него процентов, а также о зачислении на данный счёт денежных средств), в тех случаях, когда – принимая во внимание особенности договора банковского вклада с гражданином как публичного договора и договора присоединения – разумность и добросовестность действий вкладчика (в том числе применительно к оценке предлагаемых условий банковского вклада) при заключении договора и передаче денег неуполномоченному работнику банка не опровергнуты. В таких случаях бремя негативных последствий должен нести банк, в частности создавший условия для неправомерного поведения своего работника или предоставивший неуполномоченному лицу, несмотря на повышенные требования к экономической безопасности банковской деятельности, доступ в служебные помещения банка, не осуществивший должный контроль за действиями своих работников или наделивший полномочиями лицо, которое воспользовалось положением работника банка в личных целях, без надлежащей проверки.

При этом на гражданина-вкладчика, не обладающего профессиональными знаниями в сфере банковской деятельности и не имеющего реальной возможности изменить содержание предлагаемого от имени банка набора документов, необходимых для заключения данного договора, возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий (заключить договор в здании банка, передать денежные суммы работникам банка, получить в подтверждение совершения операции, опосредующей их передачу, удостоверяющий этот факт документ). Поэтому с точки зрения конституционных гарантий равенства, справедливости и обеспечения эффективной судебной защиты необходимо исходить из того, что гражданин-вкладчик, учитывая обстановку, в которой действовали работники банка, имел все основания считать, что полученные им в банке документы, в которых указывается на факт внесения им денежных сумм, подтверждают заключение договора банковского вклада и одновременно удостоверяют факт внесения им вклада. Иное означало бы существенное нарушение прав граждан-вкладчиков как добросовестных и разумных участников гражданского оборота.

В связи с этим положения, закрепляющие требования к форме договора банковского вклада, не препятствуют суду на основании анализа

фактических обстоятельств конкретного дела признать требования к форме договора банковского вклада соблюденными, а договор – заключённым, если будет установлено, что приём от гражданина денежных средств для внесения во вклад подтверждается документами, которые были выданы ему банком (лицом, которое, исходя из обстановки заключения договора, воспринималось гражданином как действующее от имени банка) и в тексте которых отражён факт внесения соответствующих денежных средств, и что поведение гражданина являлось разумным и добросовестным.

Таким образом, в данном случае для правильного рассмотрения дела требовалось определить и установить юридически значимые обстоятельства с учётом правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 28-П, чего судом сделано не было.

Так, в обоснование отказа в иске Вологирову Ж.Х. суды сослались на урегулированное внутренними документами банка распределение полномочий между его сотрудниками по заключению договоров вклада и получению денежных средств, а также на выдачу истцу банковского ордера вместо приходного кассового документа, не дав оценку тому, было ли это известно и должно ли быть это известно потребителю, непрофессиональность которого предполагается, пока не доказано иное.

Судами также не дано оценки тому, соответствовал ли такой порядок заключения договоров и принятия денег во вклад обычной практике, а если нет, то должно ли это быть известно истцу как потребителю, в частности явствовало ли это из обстановки.

При этом суды не подтвердили и не опровергли сам факт внесения Вологировым Ж.Х. денежных средств во вклад.

Из установленных судом обстоятельств и материалов дела следует, что Тяжгов З.А. являлся руководителем операционного офиса, согласно должностной инструкции и выданной банком доверенности в его полномочия входило в том числе привлечение денежных средств во вклад как от имени физических лиц, так и юридических лиц, реализация расчётно-кассового обслуживания в банке, подписание кредитных договоров, договоров банковского счёта/банковского вклада и иных договоров и документов, обеспечивающих работу оперативного офиса.

С учётом изложенного судам надлежало дать оценку тому, явствовало ли из обстановки наличие или отсутствие у Тяжгова З.А. полномочий на заключение с истцом договора вклада и на получение от него денежных средств, на подписание и выдачу указанных выше документов от имени банка.

С учётом изложенного принятое судом апелляционной инстанции решение об отказе в иске не отвечает требованиям, установленным статьёй 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что при рассмотрении данного дела судами апелляционной и кассационной инстанций допущены нарушения норм права, которые являются существенными, непреодолимыми и не могут быть устранены без нового рассмотрения дела, в связи с чем находит нужным отменить апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 февраля 2022 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2022 г. и направить дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Руководствуясь статьями 390¹⁴, 390¹⁵, 390¹⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 февраля 2022 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2022 г. отменить, направить дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Председательствующий

Судьи